

Большее всего у Гогена я люблю его «Здравствуйте, господин Гоген!». У него две такие работы: одна из коллекции Арманда Хаммера, другая — из Национальной галереи в Праге. Из Праги — мне нравится больше, но люблю — из коллекции Хаммера. Хотя подлинников я не видел — только репродукции. Но полюбить можно и по репродукции, если она из детства. Я уже с детства охвачен был страстью к рисованию, однако музеи с картинами были только в больших городах — и я мечтал о больших городах. Впрочем, никто из ближних не догадывался, о чём

я мечтаю, разве что старшая сестра. Она уже жила самостоятельной жизнью в одном таком большом городе, где был музей с картинами, но там, я знал, были «ненастоящие» картины. Чтобы увидеть «настоящие», надо ехать в Москву или в Ленинград. И сестра как-то поехала в Ленинград. Как раз привезли из Америки выставку из коллекции Хаммера, и моя сестра попала на эту выставку. А потом, когда приехала домой, показала мне журнал с репродукциями картин с выставки — и самую ей понравившуюся — «Здравствуйте, господин Гоген!» И я нашёл в этой кар-

Юрий Петкевич (1962 г.р., Беларусь) в Москве закончил Высшие курсы сценаристов и режиссёров (мастерская Павла Финна, 1989). Проза публиковалась в журналах «Знамя», «Новый мир», «Дружба народов», «Октябрь», «Огонёк», «Ностальгия», «Новая юность», «Ясная поляна», «Волга» и др. Автор книг: «Явление ангела»), «Колесо обозрения, «С птицей на голове». Живопись представлялась на многих персональных выставках в Доме кино в Москве, в музее архитектуры им. Щусева, в галерее Кино, в Галерее Арт-наив (2015), в театре Школа драматического искусства (2013), в Галерее на Чистых прудах, в Творческой мастерской Рябичевых (2017), в галерее «АРТЭРИЯ» (2018), в Воронежском областном художественном музее им. И. Н. Крамского, в Саратовском государственном художественном музее им. А.Н. Радищева (2014), в музее Шагала в Витебске (2016).. Картины находятся в частных коллекциях, собраниях Саратовского, Воронежского художественных музеев, музея М. Шагала в Витебске, Доме русского зарубежья в Москве, Музея органической культуры в Коломне.

тине радость от «голых» красок. Я в первый раз увидел картину именно с «голыми» красками. Не буду объяснять, почему краски Гогена назвал «голыми». И почему радость самая сильная от «голых» красок! А может быть, дело не в красках, не в картине, а в радости моей сёстры, побывавшей в Ленинграде. От её счастья и я возликовал; то, что она полюбила — и я полюбил. И сохранил эту любовь к «голым» краскам на всю жизнь.

А вот что пишет сам Гоген: «...А мне нужна деревня. Я люблю Бретань; когда мои деревянные башмаки стучат по этой гранитной почве, мне слышится тот тон — глухой, плотный и мощный, который я ищу и в живописи». И я, прочитав эти строки, вспоминаю своё детство, свои тропинки, по которым бегал босиком, но слышу другой звук, какой-то другой, — и поэтому пишу не «голыми» красками, хотя очень их

люблю. И вот — как-то решил пройтись по одной из своих тропинок, а её не найти в траве в рост человека. И я не хочу, как Гоген, никуда уезжать, ни на какие Таити, когда мои тропинки заросли травой в рост человека, и поэтому не могу писать «голыми» красками. А хочу! И у меня путь только один — вернуться в детство. Как-то я спросил у бабушки: а бывают у лошадей голубые глаза? Он ответил: когда у коня синие глаза — значит, конь слепой! И я спросил у папы: а правда, что быки бросаются на красный цвет? Ты же раньше держал быков, — напомнил я папе, — я был тогда маленький, и не помню. — Раньше не было красного цвета, — сказал папа. Я тогда попросил бабушку: научите меня булки печь в печи! — А она сказала: тебе не надо никогда будет в жизни булки печь! А мама мне сказала: жениться надо хорошо! Если ты не найдёшь себе хорошую девочку, то лучше — и не жениться! Я нашёл хорошую девочку, и старшая сестра повезла меня с этой девочкой в цирк — и я ударил её в цирке канатом по голове... И я нарисовал, как я её нечаянно ударил в цирке канатом по голове. А девочка заплакала: а почему я голая? А сестра спросила: что ты сегодня сделал прекрасного для человечества?

Молнии и кляксы

Когда я в первый раз увидел работы Вари Наткиной, они мне чрезвычайно понравились, а потом ещё больше, ещё сильнее... Мне захотелось сделать нашу совместную вы-

ставку, смысл которой для меня в том, чтобы при пересечении моих и Вариных работ, вообще-то очень разных, встрепенуться и посмотреть её глазами на свои работы; я надеюсь, что и Варя сможет моими глазами посмотреть на свои работы, — и от этого соседства сместятся в нас, хоть немножко сдвинутся привычные ориентиры, к которым мы устремились напрямки, напролом, однако так можно и лоб расшибить.

Я никак не мог сформулировать, в чём сила Вариных работ, пока однажды, рассматривая у любимого мной Врубеля портрет М. И. Арцыбушевой, не подметил одну маленькую деталь, на которую раньше не обращал внимания. Вдруг из складок чёрного платья Арцыбушевой — молнией какая-то цепочка! Необыкновенно написаны лицо, руки, но я понимаю, как они написаны. А вот как эту цепочку одним молниеносным движением кисти ударить — не понимаю! А без неё портрета нет, хотя не сразу я заметил её. Восхищаясь тем, как Врубель попал этой молнией, я вспомнил усы тигров и стебли трав у Антонио Лигабуэ, пробелы у Феофана Грека, штрихи Тулуз-Лотрека и т.д. и т.п. — можно этот список продолжать; и можно пойти дальше — не в самой молнии суть — ведь каждый штрих и должен быть молнией, не в этом дело, а в молниеносности и точности попадания. И вот это качество в Вариных работах меня удивило.

«Действительно, не надо никаких теорий и рефлексий, никаких концепций, чтобы совершить секунд-

ный гениальный штрих, — меня поддерживает и Олег Кузницын, куратор нашего проекта. — Я это и называю моцартовским даром. Этот штрих как раз и провоцирует наивысшее эмоциональное напряжение или, по Аристотелю, катарсис. Графика Вари постоянно порождает катарсис (лично у меня). Именно насыщенностью катарсиса я для себя и объясняю свою влюблённость в её искусство...»

И ещё — рядом с Вариными «моцартовскими» штрихами молниеносно нашлёпаны кляксы с совершенно взрывной энергетикой. Тут можно вспомнить Джексона Поллока, хотя он бесконечно далёк и от меня и от Вари, однако в творчестве принципиально разных художников можно найти одни и те же конструктивные двигатели. «И ещё, — добавляет Олег Кузницын, — Варини кляксы замечательны тем, что выражают гармонию и цельность мира, первобытную нерасчленённость. Прямо по Леви-Брюлю. Отсюда и прорыв в иные миры. Осмелюсь заявить, что Варини кляксы — из космоса, как бы это высокопарно не звучало». И всё же, я думаю, не стоит в маленьком эссе разбирать происхождение Вариных клякс; лучше это будет сделать на самой выставке — и непосредственно показать на работах.

А я, наоборот, работаю очень долго; бывает, несколько лет надо, чтобы написать картину. Однако и у меня всё построено на движении, стремительном движении, пресыщенном молниями. Но я сразу, как Варя, не могу добиться единства компози-

ции. Может быть, это не так просто — мои работы часто большого формата, и, например, масло или темпера требуют другого дыхания, другой осмысленности, и я, стремительно поработав несколько часов, а то и день, откладываю работу в сторону, чтобы отдохнуть от неё. И у меня не всё сразу получается. Чтобы добиться своего, перепрыгнуть через себя, нужно страшно напрячься — ни ума, ни сердца на это не хватает, и я мучительно, животом, будто поднимая непосильную тяжесть, заканчиваю работу. А «живот» — это же «жизнь», — то есть своей жизнью заканчиваю — как бы не надорваться...

Пытаюсь достичь невозможного

А я всё же пытаюсь достичь невозможного. У меня есть серия портретов «С птицей на голове». На них я пытался изобразить девушку, у которой на лице такая чистота, которую передать невозможно. Для того, чтобы её передать, надо самому быть таким. Но раз ты художник — как хочется передать! И, когда начинаешь работать, и чем дальше, тем больше не получается, и когда видишь, что ничего не получилось, хочется расплакаться. И в этот момент, когда истончается душа, происходит со мной какая-то перемена, и ради неё художник и живёт. Это особое состояние, когда в душе острая боль и когда работа, кажется, испорчена и терять больше нечего, пробуешь дальше, когда получается как-то

«коряво» — и, когда начинает так получаться, вдруг в работе проступает «какая-то сила», а когда она уже есть, появляется смысл. Когда я писал эту девушку с птицей на голове, совсем не стремился передать сходство. Я писал её по памяти, стараясь удерживать в себе те особые моменты особенно яркого просветления, которые замечал в этой девушке. Конечно, то, что я видел, пока мне не удаётся передать, а в последнем портрете — слишком много земного, и в этой девушке появились какие-то мои черты, когда я пребываю в унынии, когда жизнь прихлопнула меня, как в ловушке, когда я «звероуловлен», и, конечно, это невольно передаётся. Но в этом состоянии нет фальши, обмана, никакой пошлости. И когда во мне есть, как и у каждого человека, в душе и в сердце, чуток того света,

В работе «На станции» мне чуть-чуть удалось передать эту простонародность в лицах. Замысел картины родился так: я у себя в Беларуси ожидал поезда на станции. Рядом сели на скамейку две женщины. Они работали на станции уборщицами и сели передохнуть. На другую лавочку, как раз за этими женщинами, сел мужчина — и вот тут я увидел всю композицию — и вот так родился замысел, но, чтобы претворить его в жизнь, я долго и упорно работал. Лица этих женщин я написал сразу — и я ничего тогда не думал об их «простонародности», но они сами по себе такими получились, я ничего потом не трогал. Потому что знаю: чуть-чуть тронешь — и всё уйдёт; пусть будут такие, как есть. А всё остальное пришлось долго «подчинять» этим

то и это передаётся, надо лишь быть предельно искренним в работе, не стараясь никому понравиться.

Сейчас, когда так называемый научно-технический прогресс очень хорошо пристукнул человека по голове, что, безусловно, отражается на лицах, в больших городах лица у людей становятся какими-то одинаковыми, что-то в лицах теряется необычайно важное. Когда эта суть, можно сказать, утеряна, я хочу опомниться — и опомниться не так просто. Люди в больших городах — уже как бы и не люди, а актёры, которые играют в каком-то спектакле в каком-то театре. Но хочется видеть не актёров, а те изначальные лица, которых они играют. И я хочу вернуться к тем простонародным лицам, на которых отразилась их благородная работа на земле — не на комбайне или на тракторе, как сейчас, а с серпом или с косой, как предвечно было всегда.

лицам — и это оказалось сложной задачей.

У меня есть серия икон Корсунской Божьей Матери. Когда я делал одну такую икону, — с первого раза, когда прописал лик Богоматери, у меня опять получилось простонародное лицо; вернее — лик, и тут хочется отметить: простонародный, значит — изначальный. Мне отчётливо представляется — у Богоматери, Христа и апостолов были простонародные лица, лики. Иосиф, за которого выдали замуж Марию, был плотником; апостолы Пётр, Иаков и Иоанн — рыбаками и т.д. Но то, что у меня сразу получилось на лике Богоматери, я тронул — и всё исчезло. И я стал работать дальше, уже сознательно добиваясь «простонародности», возвращаясь к ней, и мне удалось написать такое лицо, как у моей бабушки, которую я любил. И этот лик вышел каким-то тёмным по сравнению с ликом Младенца, и Она вышла пожилой, когда Она должна быть юной. И написана Она грубыми мазками, которые кому-то могут помешать молиться; но, если вспомнить многие древние иконы и росписи — они были именно так и написаны. В те святые времена никто не старался ничего прилизывать, и никакого золота в работе не использовали, которое как раз и может помешать молитве. Но я ничего не хочу трогать.

Пусть будет такая, как есть, потому что всё испортишь. Ведь маленькие дети, рисуя, ничего не прилизывают, и, мне кажется, надо учиться

у них; учиться у самого себя, когда был маленький.

Мне кажется — изначально, начиная от замысла работы, надо увидеть в самом себе ребёнка — и с его чистотой помыслов начинать и заканчивать работу.

И меня поцелуй...

1

На прогулке не с кем поиграть, и маленькая Олечка вздохнула:

— Хочу братика!

— Откуда же мне взять его, — сказала дочке Рая Костелева, когда от неё ушёл муж.

Незаметно небо затянуло тучами, и вдруг хлынул дождь. Рая раскрыла зонтик и побежала вместе с дочкой домой. Струи дождя с таким шумом разбивались об землю, что Олечка не услышала, как маму кто-то окликнул, но, выскочив из-под зонтика, девочка оглянулась. К маме шагнул какой-то маленький дядя на коротких ногах.

— Давай, Рая, зайдём на вокзале в буфет.

— Ах, это ты, Геня, — начала Рая, не скрывая разочарования, но продолжала другим голосом: — Ты знаешь, что от меня ушёл Костелев? Пошли ко мне домой...

— А я хочу на вокзал! — закричала Олечка.

Свернули в ещё голый сквер. Запахло созревшими прошлогодними листьями и промокшей насквозь липовой кожей. Под деревьями дождь не так шумел и, казалось, утих, но, когда вышли из сквера на площадь,

вместе с порывом ветра так брызнуло в лицо, что Рае надо было отвернуться, чтобы вздохнуть.

— А потом — ко мне?

Рая едва сдерживалась, чтобы не расплакаться. Уже не надеясь, что Костелев вернётся, она понимала, как трудно с дочкой выйти второй раз замуж, но, каждый день слыша от Олечки про братика, сама стала мечтать о ребёнке. Но она никак не могла привыкнуть к маленьким ногам Гени и не могла на него смотреть сверху вниз, а потом ей стало страшно.

— А вдруг, когда ты придёшь ко мне, вернётся Костелев, — испугалась Рая. — Почему ты молчишь?

— Разве ты не знаешь, что его посадили в тюрьму? — сказал Геня.

На вокзале он взял в буфете чаю с баранками, и все присели за столиком у окна. За голыми деревьями между тучами пробилась последняя лучи солнца, но по железной дороге загрохотали одна за другой чёрные цистерны с нефтью, каждый раз заслоняя алую полоску на горизонте, а когда прогрохотала последняя — заткат уже погас.

— Я очень хочу, — опять повторила Олечка, — чтобы у меня был маленький братик и чтобы мы возили его на прогулку, и, если он заплачет, я буду качать его в коляске, а потом я хочу, чтобы он научился ходить, и я его бы водила за ручку...

В буфете стали оглядываться, когда Рая заплакала.

— Чего ты? — удивился Геня.

Рая вскочила со стула и едва не упала, поскользнувшись в мокрых туфельках на кафельных плитках

пола. Оставшись с незнакомым страшным мужчиной с короткими ногами, Олечка тут же выбежала за мамой из вокзала. Когда зажглись фонари, дождь перестал, но Рая, не замечая, продолжала идти с открытым зонтиком. Она услышала впереди, как цокают каблучки, и, когда подумала о Клаве, ради которой Костелев ушёл из семьи, узнала эти каблучки; ей показалось, что это Клава так шагает. Рая поспешила вслед, побежала с Олечкой и догнала беременную женщину. Рая заглянула ей в лицо и обрадовалась, что обозначилась. На выхваченном из мрака лице под фонарём сразу же бросилось в глаза отчаянное выражение, как эта женщина не хотела ребёнка, который должен у неё скоро родиться.

— Что? — спросила она, будто Рая ей что-то сказала.

Но Рая с дочкой поспешили дальше.

— Куда ты? — едва догнал её Геня на своих коротких ногах.

— Сейчас, когда узнала, что Костелев в тюрьме, — сказала Рая, — я поняла, что всё ещё люблю его.

Придя домой и уложив дочку спать, Рая сама легла, но не могла заснуть и, вспомнив про беременную женщину под фонарём, ахнула: всё же это была Клава. Работая бухгалтером, Костелев взялся за разные махинации, чтобы вскружить ей голову дорогими подарками, обещал жениться, а когда его посадили в тюрьму, Клава разочаровалась в нём, но избавляться от ребёнка уже было поздно. В голове у неё крутились одни и те же безумные мысли, отразившиеся на лице, — и сразу вся её красота, от которой Костелев отвести глаз не мог, увяла, и не зря Рая не сразу узнала Клаву. Рае стало так больно, как никогда ещё не было больно после того, как ушёл муж, и она вспомнила о братике для Олечки.

Назавтра Рая решила сходить к Клаве. Опять с неба закапало, когда Рая вышла с Олечкой из дома. Улица — до края земли пустынна; деревянные заборы, дома от дождя почернели, но трава начинала нежно зеленеть. Даже в городе весенний воздух кружил голову. У дома, где жила Клава, Рая попросила Олечку подождать её, пока она поговорит с тётёй. Олечка не хотела в дождь оставаться одна на улице, но тут выглянуло солнце и просияла над домами радуга.

— Нам ли эта радуга или кому другому? — спросила Рая у дочки.

— А кому же ещё, — не задумываясь, ответила Олечка, — как не нам...

Вернувшись от Клавы домой, Рая сшила подушечку и привязала к животу, затем обмотала вокруг полотенцами и, одевшись, посмотрелась в зеркало. Она обрадовалась, будто на самом деле забеременела, и у неё вся жизнь переменялась. Каждую неделю Рая подкладывала вату в подушечку, вскоре на работе и по соседству заметили — начали за её спиной шушукаться. Наконец и дочка обнаружила, что у мамы вырос живот.

— Ты же хотела братика, — напомнила ей Рая.

— И что — он у тебя в животе?

Конечно, маленькая девочка ничего не понимала, но глубоко задумалась. Большой живот мамы впечатлил её, и Олечка поверила про братца. И, когда она поверила, Рая, которая даже спала одетая и с подушечкой, решила отвезти дочку в деревню к бабушке.

Когда они вышли с чемоданом из дома, девочка запела. Уже давно наступило лето, но озабоченная Рая не замечала солнца на небе и удивилась:

— О чём ты поёшь?

— Ни о чём, — ответила Олечка и продолжала: — Траля-ля-траля-ля!.. — и вдруг замолкла...

— Чего ты дальше не поёшь? — спохватилась Рая и пожалела, что вмешалась: если бы не спросила — дочка продолжала бы не задумываясь: «Траля-ля», — и так идти можно, не уставая, очень долго.

На вокзале Рая столкнулась с Геней. Он невольно вытаращился на

её живот. С подушкой на животе Рае было жарко — да ещё вокруг намотаны полотенца, а поверх платья она натянула кофточку, чтобы нельзя было за всеми этими покровами разглядеть обмана. У Раи вспыхнул на щеках румянец, а Геня и румянец заметил. Рая увидела, что ему очень больно, и ей стало жалко его. Она увидела, что Геня любит её, и, хотя ей не нужна была эта любовь, однако не могла же Рая объяснять про подушечку на животе. Так и не найдя никаких слов, Рая прошла мимо, даже не поздоровавшись, а он остолбенел, глядя на неё.

Рая скрывала от своей мамы, что Костелев бросил её, а сейчас, когда он попал в тюрьму, не могла уже дальше притворяться и, приехав в деревню, отправила дочку на улицу и рассказала всё маме, но про подушечку на животе не знала, как рассказать, и, вытирая слёзы, отвернулась к окну.

— Поплачь, поплачь, — начала утешать её старушка, глядя, как запотело от дыхания Раи стекло, и положила свою руку на её руку на подоконнике, жалея дочку, когда все осуждали за то, что она, оставшись без мужа, нагуляла ребёнка.

Олечка на улице оглянулась на маму в окне и увидела ещё бабушку, которая перекрестила её, и девочка побрела дальше. Над головой в синем небе сияло солнце, и в его обжигающих лучах трепетали листья на деревьях. Около заброшенной мельницы Олечка свернула к ручью. Сандалики звонко шлёпали по сбитой глине на тропинке. Олечка под-

нялась на железобетонную плиту, которую положили через ручей, и увидела на другом берегу грузовую машину с опущенными бортами. На дороге разбросаны были еловые ветки, а на лавочке перед домом сидели старики, сложив на коленях руки. Олечка догадалась, почему у машины опущены борта и зачем разбросаны веточки, и хотела повернуть назад, но ноги шагали сами, и она, уставившись на стариков на скамейке, не заметила, как перебралась на другой берег. Старики сидели на лавочке и ничего не ответили Олечке, когда она поздоровалась с ними, даже не кивнули. У них на лицах не мигали какие-то колючие, у всех одинаковые от горя глаза. Солнце здесь пекло сильнее и сияло ярче; песок под сандалиями нестерпимо накалился, и камешки прокалывали подошвы. Олечка, не дыша, прошла мимо. У одного из последних домов на улице ещё разбросаны ёлочки и калитка распахнута, но здесь — ни души. Девочка побежала с обрыва вниз по горячему песку и на лугу успокоилась, забыла про стариков на лавочке и про веточки, начала собирать цветы и, выйдя к реке, робко улыбнулась.

Увидев из окна, как Олечка повернула за мельницей к ручью, Рая выскочила на улицу и поспешила вслед. Ещё издали она заметила машину с опущенными бортами и почувствовала, что не все ещё выплакала слёзы. Подойдя к машине, Рая поздоровалась со стариками на лавочке и хотела спросить, проходила ли здесь её девочка, но,

увидев, что старики от горя ослепли и оглохли, побежала босиком по ёлочкам и острым камешкам к реке.

— Что ты здесь делаешь? — спросила у Олечки на берегу мама.

— Мечтаю о братике, — ответила девочка, всё ещё улыбаясь, когда по-свистывал вокруг ветерок, нагоняя на воде рябь, на которую не уставали смотреть глаза.

3

Вернувшись в город, Рая узнала, как далеко отправили Костелева, села в поезд и поехала к мужу на свидание. В городе У надо было делать пересадку. Рая зашла в подъезд какого-то дома, развязала под платьем тесёмки, стащила с живота подушку и положила её в вещмешок, забросила на плечи, а в руках несла сумки с едой и одеждой для мужа. Рая дождалась другого поезда и поехала дальше, обдумывая по дороге, что ответить Костелеву, если он спросит о Клаве.

Когда Рая вышла из поезда, моросил дождик; после спёртого воздуха вагона захотелось глубоко вздохнуть, но она вспомнила, куда едет, и глубоко вздохнуть не получилось. Ей рассказали, на каком автобусе доехать до тюрьмы. Рая нашла остановку и оглянулась на брезентовый шатёр цирка на колёсах. Там играла весёлая музыка, но она играла не для Раи. В небе кричали чайки с огромными страшными крыльями. Отвлёкшись на чаек, прилетевших с реки кормиться на городские мусорки, Рая не заметила, как подошёл

автобус. Она втиснулась в него; рядом оказался прапорщик с будкой вместо лица. Рая догадалась, что этот прапорщик тоже едет туда, куда и она, и ей надо держаться его в незнакомом городе. Вскоре прапорщик вышел — и Рая за ним. Прапорщик поднялся на мост над железнодорожными путями, и Рая, запыхавшись, поднялась. Под мостом стояли столбы с электропроводами — один выше, а другой ниже — к реке; под дождём, по проводам сверху вниз съезжали одна за другой капли, и Рая увидела тюрьму за забором с колючей проволокой.

Она едва узнала мужа, когда Костелев вошёл в помещение для свиданий, и догадалась, что ни о какой Клаве он в тюрьме не вспоминает. На его лицо с промелькнувшей чёрной тенью страшно было взглянуть. Рая подала мужу сумки с едой и одеждой, но он сказал:

— Не надо.

— Почему? — испугалась Рая.

— Это ты? — не мог поверить он.

Не представляя, как Рая могла простить его, Костелев удивился её любви. Нужно радоваться, когда наступает прозрение, но здесь, в тюрьме, невозможно-больно на это смотреть. А Рая уже всё забыла, будто муж и не уходил из семьи, и подсовывала сумки.

— Почему — не надо?

— Когда ты приедешь домой, — прошептал он, — меня уже не будет...

— А где ты будешь?

Ещё ничего не понимая, Рая бросилась к мужу на шею и обняла его. Они стояли, прижавшись друг к другу и не смея пошевелиться, а Косте-

лев чего-то шептал Рае на ухо, но она ничего не понимала и не слышала, когда любовь поднялась из сердца к горлу.

— Заканчивайте! — не зная, куда отвести глаза, глянул на часы карательный солдатик.

Костелев оттолкнул жену и скорее, чтобы спрятать слёзы, повернулся спиной. За ним хлопнула дверь, а Рая не знала, куда идти; ей показали коридор — она побрела по нему и пришла в себя уже в поезде, совсем не помня, как добралась до железнодорожной станции, как покупала в кассе билет и как села в поезд.

Рая доехала до города У, где надо было пересаживаться. Опять она, как во сне, стояла в кассе, чтобы купить другой билет, искала платформу, ожидала поезда, села в него и, когда поезд тронулся, вспомнила про подушечку, которую нужно привязать к животу.

Рая схватилась за вещмешок и, обнаружив в нём подушечку, испугалась. Рая так привыкла к ней, что уже не чувствовала её на себе, но, опустив глаза, увидела большой живот и, не показывая, как она испугалась, неслышно вздохнула. Но она совсем не помнила, где раздевалась и как привязывала к животу подушку. Можно так сойти с ума! Рае показалось, что все в вагоне смотрят на её живот, и она отвернулась к окну. На землю не глядела — только на небо, на закат. А когда солнце спряталось, легла и закрыла глаза. Она уже засыпала, но вспомнила, как обнимал её Костелев. Рая ещё вспомнила, что муж чего-то шептал ей на ухо, но

она не услышала, а сейчас, засыпая, услышала — и у неё зашевелились волосы на голове.

Лучше бы ей не приезжать: когда Костелев увидел Раю — ещё тяжелее ему стало. Он не мог больше выдержать в тюрьме. Их водили на работу по мосту над железнодорожными путями, а внизу стояли столбы с электропроводами, и он ещё весной задумал броситься на провода, а сейчас, глядя на жену, вспомнил о былом счастье, и ему стало совсем невыносимо. О своём ужасном намерении Костелев и нашептал Рае на ухо на свидании, но она только в поезде услышала и осознала его слова: «Когда ты приедешь домой — меня уже не будет».

На остановке, когда все вокруг засуетились, у Раи страшно забилось, запрыгало в груди сердце. Многие пассажиры вышли размять ноги на перроне, и Рая поднялась с полки. Под одеждами, скрывающими подушку на животе, Рая должна была обливаться потом, но тело было сухое и очень горячее; всё внутри было такое же сухое и горячее, и дыхание такое, выйдя из вагона на перрон, в ночь, на свежий ветерок, она почувствовала озноб и затряслась.

Вагон был последний — в кустах пели соловьи; фонари далеко — какое у Раи выражение на лице, никто не видел. Она постояла одна, и, кажется, перестала дрожать, хотя лицо покрылось росой — как трава и листья на деревьях. С неба осыпалась чёрная мгла, а Рая вздыхала и вздыхала, и у неё угас внутри жар, но сердце трепетало по-прежнему. Ког-

да проводница попросила поднять-ся в вагон, Рая едва вскарабкалась по ступенькам в тамбур, добрела до своей полки и — как упала на неё, больше не поднималась.

Из неплотно прикрытого окна дуло, но Рая не могла встать и задвигнуть его. Во всех своих кофточках она замёрзла под простынёй, хотя рядом лежало байковое одеяло. В этом мучительном полусне, когда хочешь поднять руку, но не можешь, Рая вспомнила, как, ожидая мужа в тюрьме, выглянула в окно. На подоконнике в помещении для свиданий стояли комнатные цветы в горшке, и со второго этажа виден был обшарпанный какой-то дом с железной ржавой крышей, а за домом — берёзы. Разгоняя тучи с дождём, поднялся ветер, и при яростных порывах, когда сильнее загибались верхушки деревьев, можно было увидеть вдали полосу реки. На душе сразу стало легче, когда Рая увидела цветок в горшке, а за окном между берёзами заблестевшую на солнце реку. Тут опять зашелестела на ветру листва, но это кто-то пробежал по вагону — и Рая проснулась. Через минуту, а может, через час — она снова задремала. По вагону туда-сюда беспрестанно сновали люди, и при малейшем шорохе Рая вздрагивала. А когда в незакрытое окно ударяла со страшной силой волна ледяного воздуха перед встречным поездом, Рая просыпалась всякий раз и подхватывалась, ожидая, что стекло сейчас вылетит. Но и подхватываясь, она не могла проснуться и взять одеяло, и опять забывалась. Вдруг раздал-

ся гудок парохода. Тут же Рая вновь оказалась в тюремном помещении для свиданий и бросилась к окну. Ни берёз, ни дома с железной крышей, ни цветка в горшке — кругом вода, и на ней рябь пробегает бороздами до горизонта. Если Рае недавно стало легче на душе от узкой полоски реки вдали, то можно представить, что она испытала сейчас, когда волны бились под окном. Рая догадалась, что река разлилась. А когда показался сверкающий на солнце пароход — она готова была, как маленькая, захлопать в ладоши. Ещё раз пароход загудел, но это на самом деле загудел встречный поезд, и волна ледяного воздуха, ударив в окно, едва не вышибла стёкла.

Рая вспомнила, что сейчас лето, а не весна, и с детским восторгом удивилась паводку. Не пытаясь разгадать этот сон, а только восхищаясь им, Рая опять забылась и наконец — крепко и спокойно уснула. Неизвестно, сколько она проспала, как вдруг открыла глаза и увидела перед собой светящийся шар. С ужасом осознав — если он ещё немного от неё отдалится, то она умрёт, — Рая стала звать этот шар вернуться. Она протянула к нему руки и так пошевелила пальцами — будто звала к себе ребёнка. Но как этот шар вернулся, когда — ничего не помнила, проснувшись на рассвете.

Вот-вот должно было взойти солнце. Спросони Рая ничего не соображала, но вскоре вспомнила, как обрадовалась во сне разлившейся реке и пароходу. Опять на сердце полегчало и тут же будто камнем

придавило — Рая поняла, какие сны видел в тюрьме Костелев и отчего он задумал броситься на электропровода. Рая посмотрела на разгорающееся небо над горизонтом и попросила солнце не вставать, чтобы не наступил этот день, когда её муж, не имея уже сил выдержать тюремную жизнь, решится на самое страшное, что только может быть. Ещё попросила и поезд остановиться, но поезд шёл и шёл, а из-за горизонта появился брызжащий светом алый круг солнца. На глазах он разгорался и всё ярче сиял, но туман, стелющийся по земле, поднялся в небо и затмил его.

Когда поезд остановился у вокзала, Рая не хотела выходить — она хотела ехать дальше, ехать всю оставшуюся жизнь, но поезд дальше не шёл. Пассажиры выбрались из вагона, и, выйдя последней на перрон, Рая всем своим нутром ощутила, что мужа уже больше нет на белом свете. Она думала — не переживёт, и, если бы не подушка на животе, не пережила бы, а так — вернувшись домой, догадалась в подушку положить мячик и побрела в церковь, осторожно неся перед собой выросший живот, а соседи ухмылялись ей вслед.

Она пришла в церковь и, невольно оглянувшись, когда ей показалось, что все смотрят на неё, едва узнала рядом инвалида Геню на маленьких ногах. У него в церкви, как и у всех, изменилось лицо, и, когда он увидел Раю, ещё раз переменялось. Если бы Рая не постанывала при каждом вздохе — как никогда в жизни не вздыхала, — она бы так не обрадовалась. И даже удивилась, что

в таком горе, как у неё, можно обрадоваться знакомому лицу в толпе.

4

Разогнувшись в поле, бабушка посмотрела на дорогу. Копаясь рядом в земле, Олечка не увидела Геню, как он показался на горочке, куда смотрела бабушка, а когда он подошёл, — почувствовала его взгляд и обернулась. Ни разу за всё лето в деревне Олечка не вспоминала его, но сейчас, только увидев, сразу догадалась, зачем он приехал, вскочила и, путаясь ногами в бабушкином плаще, подбежав к Гене, обняла его. И он был очень тронут, как она обняла его. Это было так неожиданно, что он растерялся. Тут и бабушка сообразила, зачем приехал Геня, но решила, что не надо при внучке разговаривать; сказала это Гене одними глазами, и он понял, а Олечка не могла сдержать чувств.

Они побрели с поля домой. И по тому, с какой радостью встретила Геню девочка, старуха обманулась и решила, что он теперь будет папой Олечки, затем и приехал за ней. Олечка сбежала с горки, а Геня, оставшись со старухой, начал заикаться и не сразу выговорил, что у Раи родился мальчик. Геня должен был сообщить, что мальчик родился с отклонениями, больной, но язык не поворачивался сказать об этом. И Геня всего лишь добавил, что Рая назвала его Алёшей.

Хотя Геня со старухой разговаривали шёпотом, но в безветрие в поле застыла такая тишина, что Олечка услышала про Алёшу. Геня присел,

чтобы завязать шнурок на ботинке, а старуха спустилась по дороге вниз к дожидавшейся её внучке. Они взобрались на следующую горку, с которой видна уже деревня, и, оглянувшись, увидели, что Геня ещё сидит, задумавшись, на горочке. Бабушка и внучка тоже присели и, стараясь понять, что же Геня увидел, повернулись в ту сторону, куда он смотрел.

Из леса вышел старик и направился по дороге к горочке, где задумался Геня. Листва на берёзах едва начинала желтеть, и, если бы не осеннее поле, можно обмануться, что всё ещё лето, но ясное небо было глубокое и холодное, птицы давно уже не пели, и почему-то на душе сделалось очень грустно, хотя всё равно — необыкновенно светло, как никогда не бывает в самые лучшие летние дни.

Старик еле брёл, шаркал туфлями по песку, не имея сил поднимать ноги, маленькими-меленькими шажочками, но всё же часто-часто переступал ногами, глядя не вниз, а куда-то далеко впереди себя. Можно уже было увидеть, как у него на солнце раздумянились щёки, а в руке он держит дырявый мешок, из которого выпирают еловые веточки. Вспомнив про младенца Алёшу, Геня хотел побыть один, чтобы успокоить сердце, и ожидал, может, несколько часов, пока старик пройдёт мимо горочки, но тот шаркал, казалось, на одном и том же месте. Сердце у Гени продолжало беспокойно биться, и он, наконец, поднялся, догадавшись, что оно уже будет так биться всю жизнь. Бабушка с Олечкой тоже

встали и, дождавшись Геню, все вместе поспешили домой.

Когда собрали Олечку в дорогу, бабушка решила тоже поехать к дочке, посмотреть на родившегося младенца. Она стала собираться, а Геня ожидал во дворе на лавочке, посматривая на часы. Олечка в нарядном платьице бегала по улице, не зная, как выразить восторг; ей не терпелось скорее увидеть братца. Каждую минуту девочка забегала в дом и просила бабушку, чтобы та скорее собиралась. Гене показалось, что его часы на руке стоят; он вернулся в дом, чтобы посмотреть на другие часы, но время тянулось очень медленно. Так мучительно прошло ещё несколько часов, и, выглянув из окна, Геня увидел дотащившегося до деревни, еле передвигающего ноги старика с еловыми веточками. Уже позабыв о нём, Олечка обрадовалась, что есть ещё кому открыть душу, и закричала на всю улицу:

— У меня родился братец!

Старик устал, он ни о чём сейчас не думал — только о том, как дойти до дома, и ещё — как тяжёл мешок с еловыми лапами. Старик повернулся к девочке, но забыл улыбнуться. Пока старик прошаркал мимо окна по улице — минуло ещё полчаса. А мама Раи, собираясь в город, наряжалась за перегородкой у зеркала. Она вспоминала молодость и, перемерив все свои наряды, заплакала. Вытерев слёзы, старуха опять натянула на себя платье, которое каждый день носила, и завязала самый скромный платок с цветами. Старуха ещё раз посмотрела на себя в зерка-

ло и скорее отвернулась, но, когда выбралась из-за перегородки, Геня удивился её помолодевшему лицу.

Она слишком долго возилась, и, когда прибежали на станцию, поезд уже ушёл, поехали на автобусе. Бабушка села у окна и взяла на колени Олечку. Гене не досталось места, и он стоял; народу ехало много — и всё одни старики и старухи. Проезжая через деревню и оглянувшись на последний дом, совсем уже развалившийся, но с железной решёткой на окнах, бабушка стала вспоминать про весёлую жизнь раньше.

— А почему она была весёлая? — спросила Олечка.

— Много было детей, — начала объяснять старуха, — это редко у кого в семье — пять-шесть, всё больше — по десять-двенадцать; если из каждого дома выйдут дети погулять, а часто бывало, что в одном доме жило несколько семей, то — посчитай: сколько детей бегало по улице — поэтому и жизнь была весёлая. — И бабушка вздохнула: — А тебе даже летом не с кем было поиграть.

Олечка загрустила о прошедшем лете и уставилась в окно. Небо заволкло тучами, и заморосил дождь. В городе, когда приехали, выглянуло из-за туч вечернее солнце, заблестели на асфальте лужи. На остановках люди начали выходить из автобуса, и Геня сел на освободившееся место, не решаясь посмотреть на красивую девушку рядом.

— Кто выходит у военкомата? — спросила кондукторша, но в автобусе молчали, и она повторила: — Кто

выходит у военкомата?

— Не хочет никто выходить у военкомата, — ответила ей девушка, вынимая из сумочки зеркальце и любясь собой.

Автобус проехал мимо, но тут кто-то проснулся и закричал шофёру, чтобы остановился.

— Два раза спросила, — проворчала кондукторша. — Сколько можно повторять?

— Смотри! — невольно изумляясь, показал Геня девушке на просиявшую радугу в окне. Добавил, загрустив: — Нам ли эта радуга?

— Нам, нам! — обрадовалась девушка, пряча зеркальце.

На следующей остановке ей выходить; когда сидела — не так было заметно, а когда поднялась — у неё оказался такой же маленький росточек, как и у Гени. Только сейчас Геня осмелился посмотреть ей в лицо и удивился голубым глазам, но, когда вышла, уже забыл о ней и, чтобы лучше разглядеть радугу, протёр запотевшее окно. И увидел, что девушка машет ему с тротуара. Геня догадался: когда он вытирал окно ладонью туда-сюда по стеклу — девушка подумала, что это он ей машет. И Геня по-настоящему ей помахал, и она ему ещё помахала.

Когда улыбающуюся Олечку подвели к Алёшиной кровати — девочка вздрогнула, глядя на братца. И бабушка, и мама ожидали, что Олечка, столь долго мечтавшая о братике, горько расплачется, но девочка содрогнулась, жалея его, и, если бы Алёша был здоров, так не полюбила бы, как она полюбила. Рая стала кор-

мить Алёшу молоком из бутылочки с соской, и у неё задрожала рука. Геня не мог видеть, как у неё дрожит рука, — заторопился уйти, а старуха поняла, что обманулась, решив, будто это он виновен в рождении ребёнка: мало ли что он с Раей, когда учились в школе, сидел за одной партой. Глядя, как у Раи дрожит рука, старуха схватилась за сердце — и этим самым сердцем она почувствовала, какая в душе у дочки любовь, и, заметив в ребёнке черты Костелева, осознала, что Алёша приходится Олечке самым настоящим братцем.

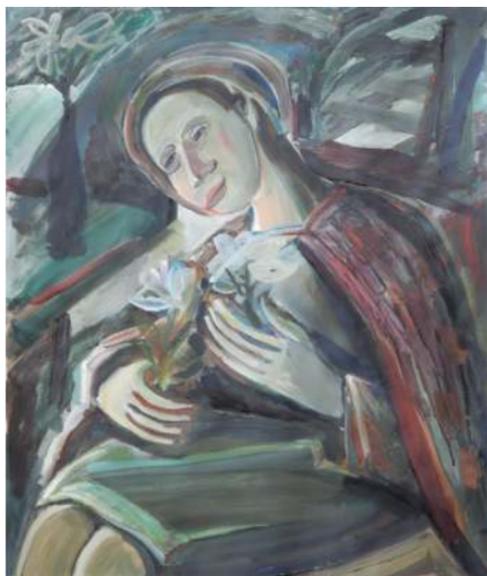
Когда он немного подрос и научился улыбаться, Олечка носила его на руках, а Алёша гладил её ладошкой по щеке. Улыбался он не переставая, даже спал, улыбаясь. И, если Клава не хотела его, — ясно, почему он родился больной; но откуда эта улыбка — нельзя было понять. Невольно Рая начала отвечать улыбкой на его улыбку, и её лицо приобрело со временем такое же странное выражение, как и у Алёши, и теперь никто не сомневался, кто его настоящая мама. Как не ощущаешь бьющегося в груди сердца, — точно так же Рая не чувствовала, что улыбается. Она укладывала мальчика в коляску и на прогулке улыбалась вместе с дочкой

всем прохожим. Люди, которые на них смотрели со стороны, не могли их понять, отворачиваясь. У каждого может родиться больной ребёнок — и это страшно, но ведь бывают среди них и такие, у которых в душе одна тихая радость, — и по улыбке Алёши можно представить, как улыбаются ангелы; это тоже страшно, и не зря случайные прохожие спешили, не глядя, мимо.

Алёша долго не мог научиться ходить и, когда научился, Рая с Олечкой вывели его на прогулку, о чём девочка мечтала, в парк около вокзала, и встретили там Геню с такою же маленькой девушкой, как он сам, даже ещё меньше, и с одного взгляда было видно — они созданы друг для друга и счастливы, что нашлись. Увидев Раю с дочкой и уже бодро ковыляющего Алёшу, Геня обрадовался, и Рая с Олечкой обрадовались, а маленькая женщина, не зная, отчего они так радуются, тоже очень обрадовалась. Геня шагнул к Рае и поцеловал её, а его маленькая женщина ещё раз обрадовалась — потому что надо было видеть, как он её поцеловал. Алёша, глядя, как Геня поцеловал его маму, показал ему, улыбаясь, на свою щёчку: и меня, мол, поцелуй...

Геня и его поцеловал, улыбаясь.

Работы Юрия Петкевича

С цветком. 2017 г. Картон, смешанная техника. 80 × 60. Собственность автора

С дочкой. 2016 г. Бумага, смешанная техника. 55 × 45. Собственность автора

Идут. 2017 г. Картон, смешанная техника. 60 × 75. Частное собрание

Любовь. 2020 г. Бумага, смешанная техника. 30 × 25. Собственность автора

Букет. 2020 г. Бумага, смешанная техника. 90 × 65. Частное собрание